

АНТУАН ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ КАК РЫЦАРСКАЯ ВЕРШИНА ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ФРАНЦИИ

Франция известна нам как сокровищница гуманистической мысли.

Творчество великого духовного мастера Антуана де Сент-Экзюпери – это, с одной стороны, сконцентрированное наследие таких мыслителей XV – XVII веков, как Монтескье, Вовенарг, Ларошфуко и стоящие несколько отдельно Декарт и Паскаль, и, с другой – вершина духовного наследия французского рыцарства.

Сент-Экзюпери так сам определяет французский гуманизм, которому он наследует: «*Моя цивилизация зиждется на культе Человека, пробивающегося сквозь личности. Веками она старается показать Человека, как если бы она учила сквозь камни различать собор*» («Военный лётчик», 1941 г.).

В отличие от позиций французских моралистов, прежде всего обобщающих и анализирующих современные им нравственные принципы, Сент-Экзюпери, впитав в себя все эти традиции и богатства, фактически превратил себя в воинствующего «**Рыцаря Добра**», этим как бы воскресив дух французского тамплиерства. Всё это оказалось осуществлённым и возможным в этом человеке, потому что оно не было искусственно насаждённым, а естественным и фактически генетическим наследством. Как известно, предки со стороны отца Антуана были тамплиерами ещё с XIII века, а со стороны матери – принадлежали к такому уникальному историческому течению, как альбигойцы. Для Антуана де Сент-Экзюпери его духовный путь не был вопросом выбора, а был естественным следствием его воспитания и образования. И недаром образ средневекового готического собора или храма – один из центральных в его творчестве.

Вспоминая фразу Сент-Экзюпери «**Все мы родом из детства**», мы вспоминаем и замок на юге Франции, и его атмосферу, где всё дышало исторической памятью, ту атмосферу рыцарства, без которой Сент-Экзюпери всю остальную, взрослую жизнь задыхался.

Рыцарь – понятие этическое. Это идеал гармоничного и свободного человека, с высочайшим чувством ответственности за судьбу не только собственного и ближайшего окружения, ощущающего себя нужной и неотъемлемой частью мира, в котором он живёт и который преобразует по мере собственного преобразования и совершенствования. Из корпуса орденских легенд, в которых проводятся одни и те же идеи – свобода воли личности, невозможности принуждения личности к чему бы то ни было (необ-

ходимость любого поступка должна быть осознана), готовность жертвенного служения ближнему и дальнему, и многое другое, – сложился некий «*рыцарский кодекс*», если понимать под «рыцарством» то идеальное, что осталось в нашем сознании от социального института рыцарства европейского средневековья.

Однако французское рыцарство уникально в том плане, что наполнено не только принципом воинственного отпора любому злу, встречающемуся на пути, в любом виде, (вспомним образ Дон Кихота), а прежде всего исторически эти рыцарские Ордена складывались в XI – XII веках как духовные структуры. Вообще, монашеское движение, возникшее в среде католичества в IV – V веках, параллельное официальным структурам римской церкви и предшествующее рыцарству, было духовным объединением. Оно имело определённую философскую направленность, отвергавшую церковную иерархию. Раннее монашество продолжало то духовное благочиние, которое характеризовало строго регулируемую религиозными установлениями жизнь ессеев кумранской общины. Эта суровая жизнь затворников, составлявшая саму суть монашеского бытия, создавала идеальные условия для занятий наукой и философских размышлений. Основатель монашеского движения св. **Мартин Турский** (316–397) создал первый в Галлии монастырь в Мормутье. После смерти в сане епископа он был причислен к лику святых и провозглашён небесным покровителем Франции.

Именно на юге Франции анахорет-подвижник из Вифлеема **Иоанн Кассиан** основал в 410 году первый кассианский монастырь, а в Марселе две однотипные семинарии: одну для женщин, другую – для мужчин. С тех пор Марсель стал монастырским центром. Важным положением учреждённого Кассианом монастырского устава являлись его независимость и отделение от организованной епископальной церкви.

Традиции Кассиана продолжил св. **Бенедикт** (488–544). Он явился, несомненно, одной из наиболее выдающихся фигур, сыгравших роль в становлении европейского монашества. За выдающуюся деятельность на этом поприще потомки назвали его «*отцом монашеских орденов западного христианства*». С тех давних времён бенедиктинцам принадлежала главная заслуга в сохранении высокой культуры образования, церковной живописи и музыки в захлестываемой волнами варварского невежества Европе.

В эпоху крестовых походов (XII и XIII века) образовалось несколько рыцарских духовных орденов, среди которых был и **Орден Рыцарей Сиона**, основанный в 1099 году французским графом Годфридом Бульонским. Другими духовными братствами рыцарей того времени стали **Орден защитников гроба Господня** и **Орден Рыцарей Храма**. Устав Ордена Рыцарей Храма написал другой выдающийся духовный деятель св. Бернар Клервосский. В Уставе тамплиеров он писал: «Новое рыцарство возникло на Земле Воплощения. Оно ново, говорю я, и ещё не подвергнуто испытанию в мире, где ведёт двойную битву – то против врагов плоти и крови, то против духа зла на небесах. И то, что рыцари сии сопротивляются силою своих тел врагам телесным, я полагаю неудивительным, ибо не считаю это редкостью. Но когда они ведут войну духовными силами против пороков и демонов, я назову сие не только чудесным, но достойным всяческих похвал, расточаемых монахам.(...) Рыцарь, который защищает свою душу добродетелями веры, подобно тому, как облекает своё тело в кольчугу, и впрямь есть (рыцарь) без страха и упрека. Вдвойне вооружённый, он не боится ни демонов, ни людей».

К этим самым временам – началу XIII века – относится написание самого знаменитого романа на тему **Грааля** «Парцифаль», авторство которого принадлежит баварскому рыцарю Вольфраму фон Эшенбаху. Здесь рыцари Тампля изображены хра-

нителеми храма Грааля, расположенного на *горе Монсельваш*. Здесь же царь ловцов совершает граальское богослужение, в процессе которого он запечатлён в образе царя-священника подобно Иисусу. Монсельваш в географическом отношении часто отождествляется с горной цитаделью Монсежюр, располагавшейся на юге Франции, в Лангедоке.

И вот в старинных хрониках среди рыцарей святого Грааля уже с 1235 года упоминаются **графы Сент-Экзюпери**.

Альбигойство не менее интересное и гностическое совершенное течение. Чтобы объяснить сущность этого явления, среди значений латинского слова «alba» я выделила бы «белый, одетый в белое», «чистый», «ясный» и «счастливый». Альбигойство возникло на благодатных землях исторической провинции Франции Лангедока, к западу от Марселя, вдоль побережья Лионского Залива. В 1208 году жители этого цветущего края были обречены на поголовное истребление за то, что они вели, по мнению папства, антихристианский образ жизни. В те времена Лангедок не входил в состав королевства Франции и являлся вполне самостоятельным государством. В политико-экономическом отношении он скорее был связан с Северной Испанией. По имени исторического центра Лангедока и главного оплота катаров – города Альби – эта беспрецедентная по жестокости военная компания получила название «Альбигойского крестового похода». В религиозном отношении вероучение катаров по сути своей являлось гностическим, и сами катары были исключительно одухотворёнными людьми, верившими в чистоту духа и порочность плоти. Из всех религиозных культов, процветавших в средние века, альбигойство было наиболее безобидным. Но альбигойцы пользовались славой адептов оккультной символики Каббалы, и их специальные знания могли бы принести существенную пользу рыцарям-храмовникам, доставившим вывезенные из Иерусалима бесценные древнейшие документы именно в этот район.

Подобно тамплиерам, альбигойцы проявляли в высшей степени веротерпимость к религиям мусульман и иудеев, а также были убеждёнными сторонниками равноправия полов. Они создали образцовое общество со своей собственной системой социального патронажа, с приютами для бедных детей и больницами для неимущих. Во всех сферах и нормах воспитанности и интеллектуального развития катары, по всей видимости, являлись наиболее культурными людьми Европы. Катары даже Библию перевели на провансальский диалект, их альтруистическая деятельность в равной степени приносила пользу и остальным жителям Лангедока. Альбигойцы не были еретиками, они просто не принадлежали к официальной церкви. Проповедуя свои идеи исключительно благопристойно, они не нуждались ни в назначаемых сверху священниках, ни в богатом уб-